

В
4-349

А. ЧЕГЛОК

ПО АВСТРАЛИИ

РАССКАЗЫ ИЗ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХ

КУЗУ

ИЗД-ВО ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА МОСКВА-1925-ЛЕНИНГРАД

Чеглок

Пров. 1969

рис

4-349

1967-68 г.

47872

КУЗУ

или австралийский опоссум.

БИБЛИОТЕКА
Государственного музея
ДЕТСКОЙ КНИГИ

Главлит № 25.883.

Тираж 5.000 экз.

Б+599

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

668841 КХ-рег.

Российская государственная
детская библиотека

Матр
4-349

Кузу

или австралийский опоссум

Я шел по улицам Мельбурна—этого огромного купеческого города австралийцев, составляющего их гордость.

— Наш Мельбурн, это — тот же Нью-Йорк,—говорили они мне.

— Посмотрите, какие у нас здания, дома, какие роскошные магазины!

И я действительно увидел нечто вроде американских небоскребов ¹⁾ в 8—10 этажей, изобилие всяческих ненужных дорогих вещей, выставленных в окнах магазинов.

Короче сказать, я увидел, что города Австралии стремятся подражать городам Америки.

¹⁾ Так русские называют американские дома в 20—30 этажей.

Мои предположения еще более подтвердились, когда я проходил по улицам после 4 часов дня. Улицы вдруг стали пустынно. Большинство служащих окончило свои занятия и поспешило покинуть город.

Австралийцы переняли у англичан привычку смотреть на города, как на места, где работают в учреждениях, где совершаются дела; для личной жизни они выбирают пригороды, где воздух чище и где можно отдохнуть от шума и сутолоки.

После 4 часов улицы наполовину опустели и на них появились мальчики с газетами и взрослые в старых изношенных костюмах...

Это была новая декорация, которая совсем не подходила к богатым домам и роскошным магазинам. Зачем здесь эти бедно одетые люди? Кажется, раньше их не было! Разве эти улицы, магазины для них?

Им бы следовало прежде всего одеться получше, а может быть, сначала поесть хорошенько, чем ходить среди этой выставленной напоказ роскоши в таком жалком виде.

— Да, австралийцы правы, — подумал я, — у них совсем, как в Европе и Америке. Рядом с роскошью — нищета. Обилие тканей, обилие пищи, но все это за стеклом, хотя и тонким, но так же недоступно для бедняков, как если бы эта пища и одежда были за далекими морями.

— Да, да, совсем, как в Европе, — подумал я, отказавшись купить у мальчика газету и вызвав этим у него на лице неподдельное огорчение.

Чтобы не заставлять газетчиков напрасно подбегать ко мне, я развернул газету и начал проглядывать ее.

— А ваши ботинки следовало бы почистить, — раздалась вдруг возле меня русская речь.

Я остановился. Возле меня, приподняв шляпу, стоял молодой мужчина с ящиком для чистки сапог.

— Сделайте одолжение, — ответил я и поставил свою ногу на ящик.

Мой соотечественник неторопливо достал мазь, щеточки и принялся за чистку моих ботинок.

Меня поразили его пронизательные, умные глаза. Он был совсем молодой, лет двадцати пяти. — Что это за человек? Почему он выбрал себе такое занятие?

— Я очень рад, что встретился с вами, — сказал я. — Здесь, кажется, мало русских.

— Есть немного, но и те не хотят, чтобы их считали за русских, — ответил он.

— Почему? — удивился я.

— Австралийцы не любят русских. Да и вообще русские скрывают за границей свое происхождение.

— Как так? — воскликнул я, чувствуя справедливость сказанного.

— Почти каждый из нас хочет быть англичанином. Я очень удивился, когда увидел вас в русской рубашке и штанах... Что, думаю, за чудак? Неужели он не боится, что его засмеют тут? Верно, недавно приехал — дай, подойду к нему.

— А если бы я давно жил здесь, то вы не подошли бы ко мне? — спросил я.

— Нет! — Я к своим русским не подхожу теперь; они мне никогда не дают работы.

— Ну, что вы говорите?

— Да верно же. Я чищу всякие ноги, только не русские! Меня мои соотечественники избегают, стыдятся за меня.

— Почему?

— Э, много есть причин, а главная из них—мое занятие,—ответил он.

Мне неловко было расспрашивать его дальше, тем более, что ботинки были вычищены.

Я достал из кармана шиллинг (50 коп.) и дал ему в надежде, что он возьмет его; но он, поблагодарив меня, достал медяки и, удержав для себя 2 пенни (8 коп.), дал мне сдачи.

— О, я сдачи не беру,—попробовал-было я отказаться.

— Нет, платить по шиллингу за чистку сапог невозможно,—сказал он очень серьезно.

— Послушайте, мне бы не хотелось, чтобы наше знакомство ограничилось лишь чисткой ботинок. Я так давно не видел русских и не говорил по-русски, что мне очень

бы хотелось поболтать с вами немного,— сказал я.

— Что же, я с удовольствием проведу с вами часок. Пойдемте в этот сад,—предложил он мне.

— Но ведь это выйдет совсем по-русски. Из-за меня вы бросите свою работу.

— Теперь никого нет на улицах, да это и не важно,—ответил он мне и, вскинув на плечи свой ящик, зашагал через улицу. Я последовал за ним.

Он привел меня в хороший сквер, и мы уселись.

Я стал говорить о России, которую он не видал уже 8 лет.

Он расспрашивал меня очень подробно, при чем задавал такие вопросы, которые меня убедили в том, что это весьма образованный человек.

-- Теперь, кажется, я достаточно рассказал вам о России и о наших русских делах. В свою очередь, и мне хотелось бы расспросить вас об Австралии, а если можно, то и о вас самих,—сказал я.

— Отчего же? С удовольствием,— ответил он.

— Прежде чем спрашивать вас об Австралии, я хотел бы узнать, какую профессию имели вы в России?

— Служил во флоте морским офицером,— ответил он.

— Ну, теперь мне понятно, откуда вы знаете то, что знает не всякий чистильщик сапог, но мне еще больше непонятно, почему вы стали чистильщиком сапог, — сказал я.

— Как же вам на это ответить кратко? Сказать, что превратности судьбы толкнули меня на это, — пожалуй, не вполне будет точно, а рассказывать подробно, — неинтересно вам будет.

— О, я с большим удовольствием буду слушать хоть до самой ночи,— воскликнул я.

— Длинная это история! Начну лучше с того, как я прибыл сюда. Первая остановка была в Брисбене, и там я сразу окупился в трудовую жизнь.

Почти все, кто прибывает в Австралию, становятся, как говорят здесь, „на лопатку“.

Черную работу на фермах, огородах или железной дороге получить нетрудно.

Стал и я „на лопатку“ или, вернее, „на цапку“. Здесь работают всего 8—9 часов в день, но эти 8 часов стоят 10—12 часов работы в России.

Со мной было много русских, и все они говорили, что в России работать легче, чем здесь. И я думаю,—они правы.

Не одна жара здесь изнуряет: здесь из 8 часов работы стараются выжать больше двенадцати.

Один русский рабочий метко сказал, что в России работаешь—как с развальцем идешь, а здесь—без оглядки бежишь.

Здесь ни минуты не дают отдыха: закуришь—с работы долой.

Конечно, привыкшие к тяжелой работе в России тянут лямку и здесь, а я, белоручка, сразу сдал. Вижу, что не по мне эта работа, да и оплачивается она плохо.

Платят 4—5—6 шиллингов. По российским деньгам заработать три рубля в день

чернорабочему это очень много, но жизнь здесь дорога, и остается мало.

Ну, а ведь все сюда едут, чтобы разбогатеть, а когда же чернорабочий может разбогатеть?

Стал я переходить с одной работы на другую, а то и вовсе без работы оставался.

Встретился я с одним англичанином, и тот уговорил меня итти в лес кузу стрелять.

Кузу, или австралийский опоссум,—небольшой зверь. Ростом он меньше нашей лисицы. С хвостом, пожалуй, аршина полтора будет.

Колонисты зовут его австралийской лисицей, но он мало походит на лисицу и не так красив, как она. Кроме того, кузу живет на деревьях и лазит хоть и не быстро, а все же хорошо.

Кузу, как и все почти австралийские звери,—сумчатое животное, и самки их имеют сумки, в которых они вынашивают своих детей, пока те не окрепнут и не будут в состоянии держаться на спине у матери.

Питаются кузу листьями, плодами, не прочь полакомиться и птицами, если найдут

их во время своих ночных странствий. Разоряют и гнезда птички. Но все же я думаю, что они разбойничают мало. Уж очень они неповоротливы и вялы.

— Меня удивляет, что кузу,—в сущности, плотоядные звери, а между тем они так медленны в движениях.

Взять нашу куницу, собаку или дикую кошку,—сколько в них порыва, быстроты, как неожиданны и стремительны их нападения!

А у кузу ничего этого нет... Ведь они во время лазания по деревьям пользуются еще цепким хвостом, и, тем не менее, не только дикарям, но даже и мне приходилось ловить их на деревьях.

— А чем вы объясняете такую медлительность кузу?—спросил я.

— Затрудняюсь сказать. Думаю, что они, как вообще все звери Австралии, не такие совершенные, как звери других стран.

Все сумчатые представляют как бы низшую породу, низший тип.

Кроме того, я думаю, что на медлительность кузу влияет и растительная пища.

На каком-нибудь 50—60-саженном эвкалиптусе целому десятку кузу на всю жизнь пищи хватит.

А готовая пища всегда порождает лень как у животных, так и у людей.

Отнимите у человека всякий труд, и даже он превратится в свинью.

А животное при легком добывании пищи не изощряет своих способностей, чувств, мышц. Умственные способности кузу очень ничтожны. Это — глупый, тупой зверь.

Кузу все-таки приходится иногда хватать птичек или маленьких зверьков, поэтому у него есть некоторая быстрота движений, но вот возьмите другого австралийского зверя — коала, который питается исключительно листьями, и тот еще более медлителен, чем кузу, пожалуй, еще глупее его. Листья никогда не уйдут, — зачем же нужна быстрота движения? Зачем тратить излишек энергии? Зачем изощрять свои умственные способности, чтобы добывать себе пищу, спасаться от врагов?

Врагов у кузу, кроме человека, почти нет. Крупных хищников, которые бы лазили

по деревьям, в Австралии не водится. Разве только зоркий глаз орла высмотрит спящего на ветках кузу,—тогда он пропал.

Но в пищу орлам кузу попадают, вероятно, редко.

Они прячутся хорошо, иногда залезают в дупло, а некоторые родственные им породы устраивают себе настоящее гнездо из веток, не хуже нашей белки.

В других частях света многочисленные враги сделали беззащитных зверьков быстроногими и такими прыткими, как, например, заяц, газель, а здесь спастись не от кого, да и лучшее средство спасения кузу—быть неподвижным.

В присутствии врага кузу свертывается под ветку и висит, не шевелясь, на хвосте.

Иногда это спасает его от охотников, в особенности от белых. У белых не такие острые глаза, как у чернокожих.

Кроме всего этого, думаю, что людей как белых, так и чернокожих нужно все же считать за случайных врагов кузу.

Предполагают, что чернокожие населили Австралию две-три тысячи лет тому назад, а белые начали селиться вней лет сто тому назад.

Но чернокожие раньше мало охотились на кузу. Это было больше занятие подростков, которые не могли еще убивать кенгуру.

Теперь же, с изгнанием туземцев в самые пустынные места, дикари рады, когда убьют и кузу.

А пышная шкурка кузу возбудила жадность белых.

Шкурки кузу начали скупать и пускать в продажу под названием шкурки австралийского опоссума, а то и американского опоссума, хотя у того в Северной Америке, как у зверя более холодных мест, мех несравненно лучше.

За мех кузу платят различно, от 5-ти до 12-ти шиллингов.

Англичанин мой был вроде меня и пыхтел при тяжелой работе.

Вот мы и решили, что охота на кузу будет для нас выгоднее и легче, чем стоять „на лопатке“.

Мы рассчитывали, что по одному-то опоссуму мы будем добывать с ним в день.

А шкурка одного опоссума даст больше, чем целый день махать цапкой. Кроме того, в австралийских лесах, а особенно в северной части Квинсленда, много всяких других зверьков и птиц. Все они в цене. Человеку все нужно!

Расписал мне англичанин про свободную жизнь в лесах, без всяких надсмотрщиков, да погонщиков...

Кроме того, при хорошей добыче можно заработать много.

Потом, думали мы с ним, мы будем по лесам да по горам бродить,—может быть, золото найдем или драгоценные камни...

Пошел я с ним.

Нравилась мне лесная жизнь! Все было для меня ново. Эвкалиптусы, высотой до 60—70 сажень, очень интересны не только своей высотой; еще интереснее травяное дерево, или казуарина: у него листья тоненькие, как у травки, поэтому и называют его

4884
1167
Российская государственная 668841

детская библиотека

ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ

ДЕТГИЗА

БИБЛИОТЕКА

Государственного музея

ДЕТСКОЙ КНИГИ

травяным деревом. Да, много там любопытных деревьев!

Так называемый север Австралии расположен ближе к экватору, и поэтому жара там сильнее, чем на юге Австралии, напр., в Мельбурне, Аделаиде. Они ближе к Южному Ледовитому океану, и тут климат напоминает климат южной Европы.

Здесь в июле, т.-е. зимой, бывает прохладно, а там, около Брисбена, мы даже палатки не имели. Купили только одеяла, в которые ночью заворачивались.

Ничего лишнего! Все добро свое на своих спинах таскали.

Вечером, бывало, разложим костер, поставим чайник, вскипятим воду, а если уьем кустовую курицу, то ее и с'едим.

Первые дни мы друг перед другом расхваливали свое свободное житье.

И, действительно, хорошо жить в австралийских лесах!

Только здесь я понял, как приятно каждое утро здороваться с солнцем, ожидать его живительных утренних лучей...

Я думаю, что половина болезней пропала бы у европейцев, если бы они вставали рано утром и пользовались бы утренними лучами солнца.

Пробуждение природы всегда вызывает пробуждение человеческих сил, и человек должен подчиняться ритму природы, а не идти ей наперекор и превращать ночь в день, а день в ночь.

За это природа и наказывает глупых, лишая их хорошего настроения духа.

Я сам любил поспать подольше, сидеть до полуночи... И был брызгой, как и все. А жизнь в лесах как будто бы влила мне новые силы...

Сначала я все вспоминал пружинные матрацы, а потом нашел, что на земле еще лучше и крепче спится, чем на постелях с мягкими тюфяками. Особенно, если найдешь сухой травы или листьев.

То же и с пищей: сначала мы все вспоминали разные закуски, сладости. Англичанин любил, по английскому обычаю, ва-

ренье с чаем по утрам... Всегда вспоминал о нем, а я и от сахара отвыкать стал.

Понемногу отвыкли мы и от хлеба и стали находить, что кулеш, или жидкая каша,—самое лучшее блюдо для нас.

— А зачем вы от хлеба стали отвыкать?— перебил я.

— Неудобно таскать его. Тяжел он и места много занимает.

Ведь на неделю или на две возьмешь его, а нам случалось и по три недели не видеть людей.

Рис лучше—горсть бросишь в воду, и двоим можно наесться. Жалел я, что гречневой крупы у нас не было, та еще лучше и спорее риса.

Отвык я там и от куренья табаку. Тоже табак таскать с собой показалось лишним, да и деньги зря тратить не стоит.

Иной раз лежишь на спине, смотришь на звезды и начинаешь думать; вот теперь я и пищи сладкой лишился, и вина, и пива, подушек и пружинных матрасов, не курю и людей не вижу...

А между тем моя жизнь как будто полнее еще стала.

— Как же это так?—думал я.—Люди работают до изнеможения и покоя и довольства не имеют, а ко мне все само пришло. Раньше во все стороны бросался, кажется, в самый ад готов был бы пойти, чтобы создать себе „приличную жизнь“, а теперь вижу, что совсем мне этого не нужно было.

— То-есть как?—воскликнул я.— Вы были вполне довольны вашей лесной жизнью?—удивился я.

— Вполне доволен,—не могу сказать, но в ней было очень много хорошего.

И самое хорошее заключалось в том, что я целые дни проводил в одиночестве.

А я, знаете ли, считаю, что человеку необходимо, хоть по временам, быть одному.

Теперь человек вертится на людях, как белка в колесе. Он одевает каждый день чистый воротничок и манжеты, но он никогда не думает о чистоте своих мыслей, ему нет времени взглянуть на себя самого. Ему некогда подумать, что он собой пред-

ставляет? К чему он стремится? Действительно ли нужны все эти условности для него? Нет ли здесь обмана?

— А как вы охотились на кузу?—перебил я его.

— Высматриваешь на деревьях или ночью слушаешь, где они кричат. Услышишь „гук-гук“, запомнишь, в какой стороне, и станешь выискивать на коре стволов, нет ли следов от когтей, или смотришь на деревья.

У эвкалиптусов ведь листьев мало, да и те поворачиваются всегда ребрами к солнцу.

При известном навыке можно заметить кузу или коалу, если они сидят на дереве. А убить их из ружья нетрудно. Хотя иногда, если кузу повиснет на хвосте, то даже мертвая может висеть по нескольку часов.

Тогда приходится стрелять в ветку, чтобы сломать ее, или же взлезать на дерево. Они очень живучи, и ни мне, ни англичанину ни разу не удалось убить кузу без того, чтобы не видеть его страданий...

— И что же, эта охота оправдала ваши ожидания? Вы заработали больше, чем на фермах?

— Пожалуй! Мы ведь убивали все, что попадется, не щадили ни птицу ни зверя.

Англичанин охотился гораздо удачнее меня, он всегда приносил что-либо.

— Сколько времени вы с ним провели в лесу?—задал я вновь вопрос.

— Около трех месяцев, — ответил чистильщик сапог.

— И какую же вы выгоду получили, в конце концов?

— В конечном счете англичанин заработал мало, а я приобрел целое богатство.

— То есть как?—воскликнул я. — По вашим словам выходило как раз наоборот. Раз англичанин больше убивал, то он и должен был больше получить!

— Не ко всему приложима арифметика!

Правда, англичанин имел гораздо больше шкурок, чем я, и выручил больше денег.

Эти деньги дали ему возможность прожить месяца полтора, ничего не делая, а

затем он опять пошел в лес, чтобы месяца через три—четыре вернуться в город и вновь растратить свой капитал.

Я же приобрел такой капитал, который за всю свою жизнь не растрочу.

Мне не нужно теперь итти в лес или искать такого занятия, которое принесло бы мне богатство.

Я окинул быстрым взглядом своего собеседника, его более чем скромный костюм, ящик с ваксой, мазями и щетками, и насмешливо произнес:

— Вам удалось найти золото или драгоценные камни?

— Пожалуй, можно сказать, что я нашел драгоценный камень,—серьезно ответил он мне, не замечая моей насмешки.

— А вы не расскажете, как это вышло?—спросил я.

— Отчего же! Из своей находки я не делаю секрета, а наоборот,—желаю, чтобы всякий искал подобное.

— В тех же самых местах?—воскликнул я.

— О да! Это можно найти только в одном месте.

— В каком?—спросил я.

— В самом себе,— ответил он просто и так же серьезно.

— Что за чудака я вижу перед собой?— пронеслось у меня в голове.

— Может быть, вы будете добры и укажете мне, как найти такое же нетленное богатство, как у вас?

— Я могу вам рассказать только, как я это нашел. Но каждый человек должен сам, своими усилиями добывать себе сокровище. Я уже говорил вам в самом начале, что мое образование ничем не выделяло меня из массы, которая каждый год вливается в Австралию с одним желанием нажить побольше денег.

В лесу, в постоянном одиночестве, в суровой, полной лишений жизни, я увидел, что эти лишения вовсе не так страшны, и боялся я их только потому, что мне было внушено воспитанием и средой, что для моего счастья

необходимо, чтобы я много проедал и пропивал...

Лесная жизнь открыла мне глаза на многое. Я узнал, что и простая пища очень вкусна, если иметь хороший аппетит; я узнал, что жизнь в каменных ящиках не может сравниться с жизнью на просторе, под потолком, украшенным звездами, со стенами из живой зелени и живых цветов...

Я увидел, что мне вовсе не нужно добывать много денег, чтобы жить так, как мне нравится.

Но я начал думать и о своем занятии и нашел, что я не могу продолжать его.

Я стал смотреть на лес, как на свой сад или даже как на нечто еще более дорогое и близкое для меня. Меня возродила природа, а я занимался тем, что каждый день разрушал ее красоту и убивал все живое.

Я просыпался с радостным чувством, улыбался солнышку, а засыпал с тяжелым, неприятным чувством преступника или палача...

Вечером, в то время, когда варился ужин, у нас начиналась отвратительная работа— снятие шкурок с убитых нами зверьков и перьев с птиц...

В нос лез тяжелый запах сырого мяса, руки покрывались кровью, которую мы не всегда отмывали по недостатку воды.

Вместо красивого кокаду (попугая) появлялась вывороченная перьями внутрь шкурка и безобразный кусок мяса...

Мне становилось гадко за себя, за англичанина и за свое занятие...

Мне стало стыдно убивать, тяжело было переносить предсмертный взгляд животного и добивать его...

Зачем я убиваю? Какой смысл в этом? Неужели же затем, чтобы дать возможность какой-нибудь легкомысленной женщине украшать свою глупую голову перьями или мехом несчастного зверька?

Почему я стал заниматься таким кровавым делом? Только потому, что нахожу его легче и прибыльнее других.

Тогда лучше мне прямо сделаться пала-
чом—это еще выгоднее...

Эта мысль ударила меня, как обухом по
голове. Какая мерзость, какая мерзость!..

Как же это я решился строить свое
благо на убийстве животных? Англичанин —
человек необразованный, но отчего же я,
с моим воспитанием и образованием, ослеп?

И все это потому, что я, как и большин-
ство, видел благо жизни в еде, одежде и
жилище...

Я ушел из лесу. Я не смог убивать, но
я так же понял, что мне не нужно коверкать
свою жизнь ради накопления денег.

Я выбрал себе занятие, которое приносит
небольшой заработок, но дает мне много
свободы. А свобода мне важна для того,
чтобы я имел возможность жить духовной
жизнью.

В Мельбурн я приехал слушать некоторых
профессоров по философии в университете
и заниматься в здешней библиотеке, которая
по справедливости считается самой лучшей
в Австралии.

И вот вы видите перед собой в большом городе, где все торопятся, всем некогда, у всех в голове тревожная мысль о деньгах и средствах их добывания,—человека, который смотрит на весь этот кишачий муравейник так же покойно, как учитель смотрит на детскую игру.

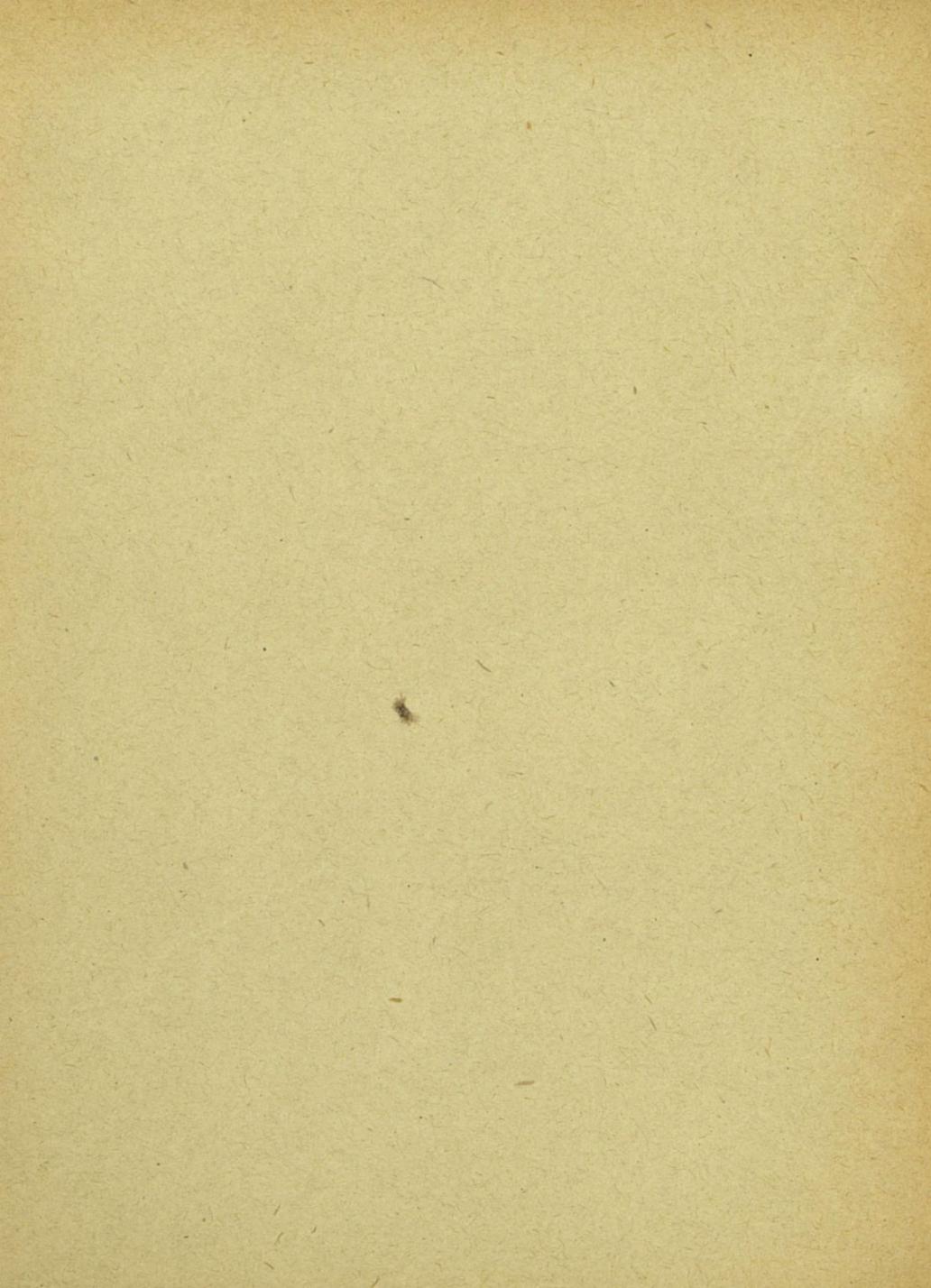
Таким образом вы видите, что я нашел в Австралии богатство, драгоценный камень, при блеске которого тускнеет золото и серебро...

— И мое перерождение совершили кузу,— закончил чистильщик сапог повествование о своих приключениях в далекой Австралии.

100 =

b

ЦЕНА 10 коп.

Адрес издательства
Кузнецкий мост, 13. Тел. 4-82-73
Адрес магазина
Никольская, 12. Тел. 82-33
Центральный книжный склад
Лубянский пассаж, пом. 25—30
Тел. 3-45-04

29 июл 1942